

УДК 82-1=030

**ВЛИЯНИЕ ВОСТОЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО
НА ЕГО ОРИГИНАЛЬНУЮ ЛИРИКУ**

А.Ю. Шабалин

Рассматривается влияние художественных переводов поэзии Востока на собственное поэтическое творчество Арсения Тарковского.

Ключевые слова: поэзия; поэтический перевод; литературные связи; Арсений Тарковский.

**THE EFFECT OF THE EASTERN POETICAL TRANSLATIONS
BY ARSENY TARKOVSKY TO HIS OWN LYRICS**

A.Yu. Shabalin

It is analyzed the effect of the eastern poetical translations by Arseny Tarkovsky to his own lyrics.

Key words: poetry; poetical translation; literature connections; Arseny Tarkovsky.

Исследование переводческой деятельности известных поэтов анализируется достаточно редко. И это логично. Нас намного более интересует оригинальное творчество признанного поэта, так как оно, в отличие от перевода, является первичным, а не вторичным продуктом. Поэт в своем творчестве более независим, он вкладывает в него всю свою индивидуальность, основывается на личном опыте, собственных взглядах на поэзию.

Хотя поэт-переводчик и пытается перевоплотиться во время перевода, он бессознательно вносит в работу свои индивидуальные черты. Это позволяет говорить о том, что в переводе останется творческая основа переводчика, только самое важное, что он не смог отбросить сознанием, остается авторский почерк, авторский стиль.

В случае с самим Арсением Тарковским, которому, по всей видимости, не всегда приходилось выбирать, что переводить, приходится признать его умение “обезличиваться”, насколько это возможно в переводах. Перечислим лишь небольшую часть им переведенных авторов. Это Абу-ль-Аля аль-Мари из арабской поэзии, Адам Мицкевич из польской, Низами из азербайджанской, Махтумкули из туркменской, Егише Чаренц – из армянской, Важа Пшавела – из грузинской. Также он перевел каракалпакскую народную поэму “Сорок девушек”, кыргызский малый эпос “Курманбек”. Разнообра-

зие впечатляющее – и народные эпические поэмы, и любовная лирика, и философские стихи.

Если говорить о переводах А. Тарковского, то он относился к ним чрезвычайно строго. Принимаясь за переводы классической поэзии, он никогда не удовлетворялся одним подстрочником, пусть даже составленным авторитетнейшим специалистом в области культуры и языка оригинала.

Как только начинают выходить в свет собственные стихи Арсения Тарковского, он практически сразу признается всеми одним из крупнейших поэтов своего времени. Его поэтическая слава во многом зиждется на его переводческом труде, благодаря которому сотни тысяч советских читателей смогли познакомиться с поэзией восточных авторов. Получается, что Тарковский, наряду с другими советскими переводчиками, является своеобразным “мостом” между культурами.

Следует отметить, что поэзия самого Тарковского содержит в себе целый пласт литературных связей, и это не только проявляется в поэтических формах, но и в содержательном отношении. В его поэзии говорят друг с другом различные исторические эпохи.

В своей книге “Запад и Восток” [1] Н.И. Конрад отмечает, что литературные связи в самом общем смысле есть проникновение одной литературы в мир другой литературы. Исследователь от-

мечает, что уже со второй половины XIX в. литературные связи приобретают общемировой масштаб и становятся фактом литературы каждого народа. Именно тогда Восток становится интегрироваться в мировую литературу. В свою очередь в восточную литературу проникает европейская литература с ее жанровыми формами и содержанием.

Следует установить, что литература Европы часто проникала в литературу восточных стран в своем собственном облике, то есть в подлиннике. И такая форма была очень действенна на начальном этапе вхождения в литературу Востока. Проникновение это происходило через отдельных писателей. Так, японский писатель Хасэгава Фтабэгэй, оказывается, очень хорошо разобрался в русской классической литературе и благодаря произведениям Гоголя, Достоевского, Толстого и Чехова сформировался как писатель. Примечательно, что с русской литературой он знакомился не по переводам, а в подлиннике.

Что касается восточных переводов Арсения Тарковского, известно, что они являлись основным источником его доходов на протяжении нескольких десятилетий. Немногие знали, что он оригинальный и сильный поэт, но то, что Тарковский – блестящий поэт-переводчик, ни у кого не вызывало сомнения. Сам Тарковский не раз в своих стихах, эссе, письмах говорит о переводах как о необходимости.

На примере стихотворения “Влюбленный” великого туркменского поэта Кемине попытаемся рассмотреть отношение к переводам Тарковского.

В этом стихотворении Кемине использует традиционные для азиатской поэзии образы розы и соловья. Эти образы активно применяют как персидско-, так и тюркоязычные поэты. Это и Саади, и Рудаки, и Хафиз, и многие другие. Эти образы влюбленных обычно носят оппозиционный характер. Например, если роза красивая, пышноцветущая, то соловей невзрачен и угрюм.

К этим образам прибегает в своем поэтическом тексте и Кемине:

Я влюблен, молчать не могу,
Плачь, певец, онемей в тоске!
Я заснуть опять не могу,
Роза! твой соловей в тоске.
Я – стремянный, ты – на коне,
Я – бедняк. Наклонись ко мне.
Я тебя по твоей вине
Жажду вдвое сильнее в тоске... [2, с. 268]

Эти образы использует в своих стихах и Арсений Тарковский, только отношение к ним у него несколько иное. В стихотворении “Переводчик” он “играет” с этими образами, используя их как символы однообразности и поэтических штампов:

Розы сахаринной породы,
Соловьиная пахлава,
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова [3, с. 92].

Эти стихи говорят о его отношении к переводам. Однако следует сразу отметить, что Арсений Тарковский ни в коем случае не относится негативно к восточной поэзии. Ответ здесь кроется в том положении, в котором находился в то время поэт. Не стоит доказывать, что Тарковский в первую очередь оригинальный поэт. Как и для любого поэта, поэзия для которого является синонимом жизни, любая другая работа, кроме стихотворчества, – тяжелая каторга. В отношении Тарковского положение усугубляется еще тем, что его стихи не издают многие годы, он вынужден писать в стол.

Стихотворение “Переводчик” написано двустишиями, а каждая строфа заканчивается одним и тем же стихом – “Как болит от вас голова”, что придает тексту пародийный характер. Однако сама пародия на восточные поэтические формы в данном случае говорит о том, что “переводчик” обязан втиснуться в чужую форму, отбросить свое поэтическое “я” и попытаться стать тем, кого он переводит. Здесь очевидна самоирония: переводчик живет не собственной жизнью, а чужой. И обвинить в данной ситуации некого. Он сам выбирает это ремесло:

Зазубрил ли ты, переводчик,
Арифметику парных строчек?
Каково тебе по песку
Волочить старуху-тоску?

Однако не стоит из этого стихотворения строить преждевременных выводов. Да, очевидно, что переводы – это не то, чем мечтал заниматься Тарковский в первую очередь. Плюс переводы – эта такая работа, которая сковывает творца: есть рамки, есть оригинальный текст, который нужно перевести на другой язык максимально адекватно. Но здесь и проблема выбора, какой дорогой пойти, аккуратно и добросовестно воспроизводить все метрические и семантические данные первоисточника, или стремиться творчески переосмыслить подлинник с расчетом на русскую поэтическую традицию, передать художественную идею как можно более ярко, красочно и многообразно, жертвуя иногда даже информационной точностью.

Предполагаем, что Арсений Тарковский в данном случае нашел золотую середину между этими крайностями. С одной стороны, его переводы, как правило, достаточно близки к подстрочнику, с другой стороны, Тарковский-переводчик обладал даром перевоплощения, умением отыскать в русской поэзии тот стилиевой пласт, который соответствует переводимому произведению.

Выступая с воспоминаниями о переводах стихотворений персидского поэта Низами, Арсений Тарковский писал: “Я... верю, что перевод тем лучше, чем он ближе к подлиннику и чем скромней переводчик прячется в тени переводимого автора. Перевести на сто процентов стихотворение нельзя, но добиться верности оригиналу на восемьдесят процентов необходимо. Остальные двадцать процентов должны, по моему убеждению, дышать воздухом подлинника, раствориться в его стихии. Когда вы пишете свои стихи, пишете как вам придет в голову, но переводя чужие стихи с одного языка на другой, будьте буквалистом в тех пределах, какие вам предоставляют свойства нашего языка” [4, с. 413].

Тарковский открывает для русскоязычного читателя и арабских поэтов, и поэтов Центральной Азии, и Кавказа. Исследователь А. Урбан отмечает, что интерес к восточной литературе Тарковского связан с проникновением в его собственные стихи ее прекрасного и тревожного мира, поэтических форм и смысловых эмблем и мелодических отношений [5]. Как отмечает сам поэт, в его оригинальном творчестве духовность русского стиха сочетается с особой метафоричностью восточной поэзии [6, с. 236]. Поэт не раз признается в том, что к европейской культуре он приобщился через чтение, а к восточной – через свою переводческую деятельность.

Стремление Арсения Тарковского к познанию всех достояний мировой культуры проявляется и во всем его поэтическом творчестве. Он как бы пытается объединить в своих текстах всю доступную ему культуру, всех выдающихся культурных деятелей, все эпохи. Это можно проследить и по названиям его стихотворений. Здесь и “Сократ”, и “Анжело Секки”, “Феофан Грек” и “Григорий скворода”. Здесь и “Греческая кофейня”, и “Дагестан”, “Снежная ночь в Вене”. Здесь “Мщение Ахилла” и “Петровские казни”.

История человечества практически не знает примеров абсолютного изолированного культурного развития, без непосредственного или более отдаленного взаимодействия и взаимного влияния между его отдельными участками.

Такой международный “обмен опытом” может наблюдаться и в области политической практики, и в сфере идеологии, и в сфере литературы. Здесь уже встает вопрос о международных литературных влияниях.

Поэзия самого Тарковского “впитала” в себя литературу Запада и Востока, и это не только проявляется в поэтических формах, но и в содер-

жательном отношении. В его поэзии говорят друг с другом различные исторические эпохи – Арсений Тарковский смотрит на мир как бы двойным зрением, он видит историю и глазами современника, но в то же время и глазами предка-историка. И такого рода чувство историзма присуще лирическому герою стихотворений Тарковского. Отсюда складывается его образ пророка и прорицателя:

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое кляню, как нищий царь... [3, с. 172]
 (“Посредине мира”, 1958).

Творчество Тарковского является как бы сплетением силовых линий, которые соединяют Запад и Восток в их культурном и историческом аспектах. Тарковский-переводчик стоит в одном ряду среди таких поэтов, как Борис Пастернак, Анна Ахматова, Николай Заболоцкий и Владислав Ходасевич. Благодаря переводческой деятельности, которой он был вынужден заниматься, чтобы заработать на хлеб, он открывает для себя восточную поэзию:

Год за годом проходит,
А худеющий пес
Все стихи переводит,
Задыхаясь от слез

– так отзываясь о своем в труде в одном из своих шуточных стихотворений. Однако, несмотря на невозможность печатать свои собственные стихи, Тарковский получает от восточной поэзии свои дары. Это и расширение культурного кругозора, и владение формой восточного стихосложения, и умение использовать в своей оригинальной лирике несвойственную западной поэтической культуре метафоричность.

Литература

1. Конрад Н.И. Запад и Восток: статьи / Н.И. Конрад. М., 1966.
2. Тарковский А.А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3 / А.А. Тарковский. М.: Худ. лит., 1993.
3. Тарковский А.А. Указ. соч. Т. 1. 1991.
4. Тарковский А.А. Указ. соч. Т. 2. 1991.
5. Урбан А. Неделимый мир: стихи и переводы Арсения Тарковского / А. Урбан. Ашхабад, 1970, № 5.
6. Тарковский А.А. Звезды над Аргацем / А.А. Тарковский. Ереван, 1988.